

КАЖДЫЙ, кому дорого наше настоящее и будущее, читая и перечитывая проект Программы партии, прежде всего обращается к тому, что наиболее близко, — к своей профессии, к главному делу своей жизни. Меня — актера — размышления приводят, конечно, к театру, к новым, сложным задачам, которые перед ним выдвигает время. Нынешний театральный сезон — особенный. Он открывается в преддверии XXII съезда КПСС. Сколько сложных, острых проблем встает перед работниками театра!

Начнем с главного: с драматургии — незыблемой основы основ театра. Об этом уже сказано очень много. Кажется, что больше не напишешь, — все прозвучит повторением давно известных истин. И пусть! Есть истины, о которых надо часто напоминать.

Современная пьеса. Вот чего театры

Секунды на счету

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист РСФСР

ждут особенно нетерпеливо. Ждут, как друга, как праздник. Но всегда ли такая встреча становится радостным событием?

Если бы можно было незаметно с часами в руках пройти по многим театрам и заглянуть в репетиционные комнаты, мы убедились бы воочию, какое огромное и мучительное количество времени отнимает порой несовершенная пьеса. Ценой огромного напряжения актеры и режиссеры пытаются удержать на поверхности искусства подобное произведение.

Невольно возникает вопрос: зачем театру понадобилось принимать к постановке такую пьесу? Ответ прост: в ней затронута тема сегодняшнего дня, а театру она всего дороже. И вот пьесе, с самыми благими намерениями, включили в репертуар, надеясь, что режиссер и актеры смогут ее «дотянуть». Какое глубокое заблуждение! Какое ненужное потворство драматургу, принесшему полуфабрикат. И какой здесь наносится вред и театру, и автору. Я говорю о том, что было, бывало, говорю в прошедшем времени. И пусть все это останется в прошлом. Взыскательность, высочайшая требовательность должны сегодня стать законом решительно для всех деятелей сцены.

Наша жизнь насыщена такими величайшими событиями, нас окружает столько людей небывалой духовной красоты.

Разве расскажешь об этих людях блеклыми, стертыми фразами, без воодушевления, без знания, без проникновения?

Никогда не сможет возникнуть под пером писателя яркое, образное слово, если чувства его никем и ничем не разбужены, если у него на все есть готовые ответы. В таких случаях, согласно старой профессиональной инерции, по бумаге по-

ползут, вяло устрояваясь в ряд, полусонные слова, образуя понурые строки, которые не читаются, а только бегом просматриваются, не задевая при этом никаких мыслей и чувств. Слова уныло жмутся друг к другу, и нет в них и намека на живое движение души автора.

А если врываться, как в стан неприятеля, в гущу пороков и пережитков, то какие же для этой цели требуются опаленные страстью и гневом слова! Как они должны быть безжалостно остры, чтобы смело можно было вводить их в бой против всего, что еще порой упорно цепляется за прошлое, что мешает советским людям двигаться вперед к ясной цели, к построению коммунизма.

Никогда не сможет затрепетать живой жизнью слово художника, если он замыкается в узкий, привычный круг профессиональных навыков и интересов, если его знакомство с нашим современником ограничивается только беглым просмотром фотографий, помещенных в газетах и журналах.

«Говорят, — писал в «Правде» сталева Журавлев, — что с холодным сердцем трудно сладить с плавкой стали. Это правильно, работа у нас горячая: когда идет плавка, — секунды на счету. Безынициативному, безразличному человеку не справиться с нашим делом». Правильно, товарищ Журавлев! С любой работой трудно сладить человеку с холодным сердцем. Словно драгоценная сталь, плавятся и отливаются в прекрасные формы новая жизнь, новые коммунистические взаимоотношения между людьми. Равнодушному человеку не ощутить романтики наших дней. Безразличным, холодным художникам скучно в искусстве, им там делать нечего.

В ПАМЯТИ возникают встречи с писателями, чье творчество властно и безраздельно захватывает актера, овладевает его мыслями, чувствами, заставляет вести творческий счет на секунды, на неуловимые мгновения.

Как дорогие актерские реликвии я храню тетради леоновских ролей: Штруфа («Скутаревский»), Фаюнина («Нашествие»). Леонов не дает актеру возможности творить в полнакала, в полсилы. В его сценических произведениях вы никогда не найдете утомительных длиннот, уныло плетущейся интриги, обедненного

конфликта, невыразительных характеров, вялых, бессодержательных фраз, словесной правденки-простенки.

Получая из рук Леонида Максимовича роль, актер знает, что этому тексту можно довериться вполне, ибо каждая строчка хранит живые, горячие следы кропотливой, вдохновенной работы писателя. Автор тщательно промыл каждую фразу, отсеял каждое слово, и только драгоценные крупинки вошли в роль. Вот почему мы так любим творчество Леонова. Мы знаем, что он прежде сам на многие лады испробует фразу, ревниво выверит ее и только тогда предложит исполнителю. Это свидетельство любви и уважения Леонида Максимовича к актерам, к их творчеству, к театру, к зрителю, и поэтому мы платим ему за это такой же силой привязанности и благодарности.

Мы также любовно, бережно относимся к тексту Леонида Максимовича, ревниво охраняя его от засорений, отсебятины, небрежного, неряшливого с ним обращения. Я вспоминаю, как во время репетиций пьесы «Нашествие» к Леонову с просьбой переставить запятую в одной из реплик с тем, чтобы изменить ударное слово в фразе, обратилась одна из старейших и талантливейших актрис Малого театра Варвара Николаевна Рыжова, изумительно игравшая няньку Демидовну.

Участвуя в пьесе Леонова, актер говорит о самом насущном, сокровенном в нашей жизни и потому ощущает гражданскую необходимость эти мысли и чувства автора наиболее полно передать зрителю.

Драматургия Леонова властно диктует художникам сцены свои моральные, этические законы, творческий режим, чувство обостренной ответственности за каждое мгновение своего творчества. А драматургия Корнейчука, Софронова, с которыми Малый театр связан большой, требовательной дружбой?

Во время одной из встреч с Александром Корнейчуком А. А. Яблочкина пожаловалась писателю на то, что у нее давно нет современных ролей. В то время пьеса «Крылья», к репетициям которой приступил Малый театр, была автором уже полностью завершена. Но Корнейчук, внимая просьбам старейшей актрисы, написал для нее в «Крыльях» новую роль. Написал потому, что ощутил не только ее не остывающую с годами тягу к творчеству, но и насущные заботы многих актеров и актрис. И писатель заставил действующих лиц пьесы несколько потесниться, чтобы дать место новому образу — учительнице Горицвет. И тем самым погасил задолженность многих наших драматургов перед актерами, частично, конечно...

Корнейчук не ошибся в своем доверии к актрисе. Яркая, темпераментно Яблочкина сыграла эту роль на премьере и к ее девяностолетнему юбилею.

Такова история этой примечательной дружбы актрисы и драматурга. Насколько иной раз подобные встречи могут быть плодотворнее формально-кабинетных встреч и заседаний в театре, как дорога такая живая и непосредственная творческая связь драматургов с мастерами сцены.

Но одного только стремления, даже самого страстного, сыграть современную роль актеру мало!.. Сыграть проникновенные творения Леонова и Корнейчука, как и раскрыть в полную силу те замечательные пьесы, которые — не сомневаюсь! — будут созданы в ближайшее время писателями нашей страны, возможно лишь при условии неуклонно растущего мастерства всех деятелей сцены, их творческой активности.

«...перед писателями, художниками, музыкантами, деятелями театра и кино открывается широкий простор для проявления личной творческой инициативы, высокого мастерства». — читаем в проекте Программы КПСС, а в проекте Устава партии звучит призыв: «...выступать застрельщиком всего нового, прогрессивного, поддерживать и распространять передовой опыт, овладевать техникой, совершенствовать свою квалификацию...»

«Совершенствовать свою квалификацию...», проявление «личной творческой инициативы, высокого мастерства...». Над этими словами глубоко задумываешься. Все ли здесь обстоит благополучно у нас в театре? Да, он богат многими и многими талантливыми мастерами, в совершенстве владеющими тайнами сценической техники, богат актерами передовой, современной мысли. Но наблюдения приводят нас к выводу, что эти счастливые качества присущи далеко не всем. А ведь сегодня и особенно завтра потребуются тончайшее сценическое мастерство, Зазнайству неумельца, бракодела, бесплодно расходуя драгоценные секунды, сегодня противостоят мастера своего дела, человек, которому органически присуще благородное чувство ответственности перед обществом.

Профессиональное совершенство актера — его визитная карточка. Без этого он просто-напросто любитель, дилетант.

Но для того, чтобы быть профессионалом в высоком смысле этого слова, актеру необходимы упорная тренировка, постоянное оттачивание своего мастерства. И поэтому он должен — пусть не удивляет такой

призыв читателя—трудиться на сцене изо дня в день.

«Как бы ни гениален был инженер, он ничего не добьется, если ему не дадут строить, певцу — петь, писателю — писать». Эти слова принадлежат выдающемуся русскому актеру А. Южину. Их так хочется напомнить иным руководителям наших театров, когда они, подводя итоги сезона, с эпическим спокойствием констатируют, что актер такой-то был «недогружен». Так и говорят — «недогружен». Очень удобное, обтекаемое слово...

Почему ни на одном заводе, ни в одном учреждении не отыщешь человека, пребывающего не по своей вине часами, неделями, месяцами, а то и годами в отрыве от своего любимого дела? А в театре это, к сожалению, возможно, и нередко... Почему во всех отраслях нашего хозяйства все острее встает вопрос об использовании внутренних резервов, все энергичней изыскиваются способы для повышения производительности труда, а в театре актер бывает «недогружен», выпадает из творческого процесса, тягостно ощущает свое безделье, а порой и попросту «растренировывается», даже теряет квалификацию.

Не будем голословными. Раскроем недавно вышедший восьмой номер журнала «Театр», и перед нами предстанет на странице 144-й своеобразное фотообвинение. На нас смотрят с этой страницы лица актеров московских театров, не сыгравших за весь сезон 1960/61 года ни единой новой роли. Вот их имена. Они известны каждому, кто любит искусство: Андровская, Бабанова, Гарин, Зеркалова, Кторов, Мартинсон, Мордвинов, Названов, Понсов, Скопина, Топоров, Чирков. Над фото-витриной стоит лишь одно слово: «Факты...», а на другой странице, озаглавленной «...и по поводу», даются к этим фактам комментарии. Да, комментарии, даже самые обширные, в данном случае не будут излишними. Ведь эти факты касаются только московских театров, а если их собрать по всем театрам страны? И не только за один год, а за многие годы?

— Неужели не чувствуют себя в долгу перед этими актерами все, кто причастен к расточительству огромных творческих ценностей? — спрашивает журнал «Театр».

Верно. Иначе как расточительством это и не назовешь.

Однако будем справедливы — случается и так: актер получает роль в сезоне, и не одну, но...

Проникнем вновь незаметно в репети-

ционные залы, по-прежнему не выпуская из рук часы. Сколько драгоценного времени пожирает порой плохо организованная репетиция, плетущаяся вяло, уныло, без тени артистического воодушевления, творческой одержимости?

Мне вспоминается конференция молодых режиссеров, проходившая в ВТО. Один из товарищей с периферии рассказывал, как ему пришлось в очень короткий срок капитально перестроить спектакль «Дальняя дорога» А. Арбузова, вводя в него несколько новых исполнителей. «Казалось бы, — с горечью поведал режиссер, — получив такие чудесные роли, молодые актеры должны были бы испытать чувство радости, ответственности за свою работу. Однако особого энтузиазма я не почувствовал. Наоборот, когда я им предложил остаться на некоторое время еще поработать, они ответили, что им надо «походить по магазинам ...и вообще времени мало. И стоит ли его тратить на репетиции?..»

Слушая этот рассказ режиссера об артистах, нетерпеливо поглядывавших во время репетиции на часы, словно школьники, ожидающие звонка, объявляющего перемену, я вспомнил одну из первых репетиций пьесы Гюккова «Уриель Акоста» в Малом театре. Главную роль Уриеля Акосты исполнял А. А. Остужев. Помню, он сидел молчаливый, сосредоточенный. Актеры неторопливо читали тексты ролей по тетрадкам, вслушиваясь в объяснения постановщика спектакля Ильи Яковлевича Судакова. Все шло несколько академично... Но вот очередь дошла до Остужева. Он встал со стула, даже слегка поблел от волнения и стал репетировать в полный тон, зная весь текст наизусть. И репетиция преобразилась, ожила, затрепетала. Исполнителям и постановщику пердалось волнение Остужева, и никто не мог уже репетировать в полнакала. И, право, никто в то утро не взглянул на часы. Мы поняли, какой титанический труд проделал до этой репетиции Остужев, которому в ту пору было немало лет, который был тяжело болен и потерял слух...

Именно такого огня, одержимости иногда не хватает актерам на репетициях, на спектаклях, во время работы дома. Да, дома, потому что истинное творчество невозможно без поисков, без мук, без радостей, когда образ героя не оставляет тебя буквально ни на миг.

В последние годы мне часто приходилось встречаться с одним из интереснейших советских актеров Максимом Максимовичем Штраухом.

И вот однажды летом я, гуляя в парке

дома отдыха «Серебряный бор», увидел характерную фигуру Максима Максимовича. Он стремительно шел по соседней аллее, заложив руки за спину. Шел, глубоко и напряженно думая о чем-то. И его лицо, движения, даже фигура выражали такую устремленность, такую одержимость какой-то неизвестной мне, но, как видно, безгранично дорогой ему задачей, что я не рискнул его окликнуть, остановить.

На следующее утро Штраух уехал. Оказалось, что это была короткая передышка между съемками фильма «Рассказы о Ленине». Но и за время этой передышки актер продолжал свою упорную и вдохновенную работу, не расставаясь ни на секунду с овладевшим всеми его помыслами и чувствами образом Владимира Ильича.

Я думаю, что каждому художнику хорошо знакомо и близко это чувство творческого самозабвения, ни с чем не сравнимого счастья, когда в руках у тебя любимая роль. Я не могу назвать ни одного настоящего актера, который с укоризной поглядывал бы на режиссера, призывая его прекратить репетицию: мол, время, указанное в графике, истекло. Нет, он будет работать самозабвенно и на репетициях, и дома, и в бессонные ночные часы, если это необходимо. Он бесконечно рад встрече с ролью, в особенности если это роль его современника.

ВРЕМЯ—великое всенародное достояние; историческое двадцатилетие построения коммунизма — его самый драгоценный слиток. Этот щедрый и короткий запас времени в одинаковой мере отпущен всем советским людям. Время немумолимо будет отсчитывать каждую секунду, строго спрашивая отчет с каждого. И поэтому в каждом истинном творце, создателе рождается законное гражданское чувство: только бы не остаться в долгу перед временем, эпохой, обществом, расстаться полной мерой своего труда и творчества. Чтобы драгоценные секунды не канули в пустоту бесцельно промелькнувшими пылинками времени, чтобы потревоженная память никогда не возвращалась к ним с чувством горькой досады.

Секунды ведут свой безостановочный, напряженный счет не только у станка, в лаборатории ученого, в шахте, возле штурвала тракториста, но и у рабочего стола писателя, на съемках кинокартины, в репетиционной комнате театра.

Каждый спектакль, каждая пьеса должны быть сгустком, концентратом творческой энергии режиссера, актера, писателя, если они хотят быть достойными своего времени.